

Баланда для поэта

На этой неделе Россия отмечала День памяти жертв политических репрессий. Как и ветеранов войны, их становится все меньше, оттого так дороги воспоминания тех, кто пережил все ужасы ГУЛАГа. Один из них - наш земляк, поэт Валерий Алексеев, ему сегодня слово.

Закончилась Великая Отечественная война. Люди вздохнули свободно, поверив, что самое страшное уже позади. Однако для многих самое ужасное только начиналось... В 1947 году новая волна репрессий прокатилась по стране.

Ни для кого не секрет, что Ангарск построен зэками. Причём не только уголовниками, но и политическими заключёнными. В их числе был и Валерий АЛЕКСЕЕВ. Сегодня - известный поэт.

Не верьте никому и никогда,
что наш Ангарск построен комсомольцами.

Мы с корешем отнюдь не добровольцами,
а по этапу прибыли сюда.

- Какая-то ерунда, этого не может быть, это ошибка!!! Я секретарь бюро ВЛКСМ 2-го курса Московского государственного института международных отношений, лектор-международник ЦК ВЛКСМ, какая может быть антисоветская пропаганда?

В 1946 году ЦК ВЛКСМ направил 23-летнего Валерия Алексеева в институт международных отношений. Учёба шла успешно, Валерий мечтал стать дипломатом, но судьба распорядилась иначе. В феврале 1948 года он был арестован органами МГБ, а затем осуждён особым совещанием по ст. 58-10 на 10 лет. У него во время обыска на квартире нашли сборник «Чтец-декламатор» 1929 года издания, в котором были напечатаны «Песнь о великом походе» Есенина и статья Троцкого «Ленина нет». Этого было достаточно для ареста.

Я привыкал баланду есть.
Ночной барак шагами меряя,
отчаявшись, уже не верил я,
что где-то в мире правда есть.

Первый лагерь Алексеева был в республике Коми, в Княж-Погосте. Старые бараки, которые без толку было обогревать, всё тепло выдувало. Матрац, набитый соломой, и никаких простыней. Баланда, которую невозможно есть. В первый же день у него украли пайку хлеба. Лагерь учит жестокости. Тогда голодный человек был способен убить за кусок хлеба.

...Однажды Валерий Алексеев был дежурным по пищеблоку. Он открыл бочонок, где должна была быть солонина, а там оказалась волосатая конская нога с копытом. Начальник велел всем держать язык за зубами, а ногу обработать и пустить в употребление.

Тогда заключённые страдали от однообразной пищи. Изо дня в день овёс, сухая картошка, солонина. Поэтому когда бригадир сказал Валерию: «Дружище! Одна надежда на тебя», он всё понял... До ближайшего жилья было неблизко. Но вот, наконец, Валерий набрёл на избушку.

Знакомство быстро
состоялось: без шапки,
посреди двора,
забыв про голод и усталость,
колол я мёрзлые дрова.

За работу хозяйка накормила его и с собой дала большую рыбину.

...Валерий, наверное, умер бы тогда от тоски, если бы не люди, которые его окружали. А ещё - поэзия. Ведь когда пишешь, отрываешься от реальности, живёшь уже в каком-то своём мире грёз.

Наш век суров,
но я - не каменный.
Ранимы, как моя душа,
стихи, написанные в камере
огрызками карандаша.

...Ангарский Китойлаг после четырех лагерей казался поэту просто «курортом». Тёплая юрта, матрац с двумя простынями и работа по специальности инженера-механика. Тогда Алексеев был уже опытным заключённым, которому шапку с оторванным ухом не дадут и робу получше выберут. Работали эки тогда как черти, один день за три шёл, заработанные деньги на лицевой счёт текли, эки на них могли раз в месяц колбасы купить или банку сгущёнки (на территории лагеря специально для этих целей стоял продовольственный ларёк).

...Отсидел Валерий Алексеев в общей сложности 7 лет, освободили его раньше по зачётам (1 год за 3 шёл), было это 1 июня 1954 года. Работал он потом на заводе, начальство походатайствовало за него, и через год судимость сняли. Когда он уже был свободен, в 1956 году пришел приказ из Москвы: «Срочно освободить!»

Позже у Валерия была возможность уехать из Ангарска. Но он не мог. Этот город стал его судьбой. Здесь родились дети поэта, здесь растут его внуки.

Но как в потоп вселенский Ною

был мил и дорог свой ковчег,
так город, выстроенный мною,
я тоже полюбил навек.

День памяти жертв политических репрессий. Они еще живы, эти люди.
Они еще помнят, как это было.

Боялись всего, слепо верили вождю, даже сидя в лагерях, думали, что он узнает и спасёт.

Ходили строем, глядя в затылок впереди идущего, боясь, не дай Бог, пойти не с той ноги. За ошибки платили жизнью.

Слава Богу, прошли крутые времена. Но стало ли лучше? К сожалению, посмотрите, во что превратилась свобода. Убив дракона, сами стали драконами. Людьюми опять руководит страх.

Город, рождённый Победой и построенный ГУЛАГом, превратился в тюрьму: кругом решётки и металлические двери...

Ольга МИЛАЯ.
Время. – 2001. – 1 нояб. – С. 6.